

Око за око

В глазах Лю Лю мелькнуло удивление, но он тут же скрыл его за своей неизменной вежливой улыбкой. Слегка поклонившись, он произнёс самым искренним тоном: «Это и впрямь моё упущение, я действовал без злого умысла. Просто в поединке меч не выбирает, куда ранить, и случайные травмы неизбежны. И всё же Алая птица пострадала по моей вине, и мне искренне жаль».

Он сделал паузу и, с неподдельной искренностью глядя на Мин Чуня, продолжил: «В знак извинения я готов преподнести тысячелетний духовный женшень с божественного дерева, три флакона Пилюль девяти оборотов для сбора духа, а также Знамя, отвращающее пыль, высшего ранга мистической ступени. Если у вас есть иные пожелания, прошу, говорите. Я, Лю Лю, сделаю всё возможное, чтобы загладить свою вину».

Его речь была убедительной, а поза — до крайности смиренной, словно он и впрямь был убит горем.

Те Хэнцю, видя, как Лю Лю без тени сомнения признаёт свою вину и предлагает столь щедрое возмещение, невольно поразился.

«Так вот оно что. Этот господин, что обычно смотрит на всех свысока, оказывается, умеет и так низко кланяться. Поистине, есть чему поучиться».

Однако Мин Чунь холодно отрезал: «Разве Пик Ста Чжанов похож на место, где не хватает подобных вещей?»

Улыбка застыла на губах Лю Лю, но он всё же произнёс: «Вы правы, Пик Ста Чжанов обладает глубокими традициями и, конечно, не нуждается в этих мирских вещах. Это я был неосмотрителен и позволил себе оскорбительную дерзость».

Те Хэнцю, наблюдая за подобострастным Лю Лю и высокомерным Мин Чунем, испытывал смешанные чувства. С одной стороны, видеть, как Лю Лю унижается и извивается, было приятно — этакое злорадство за чужой счёт.

Но, поразмыслив, он понял: Мин Чунь так непреклонен лишь потому, что пострадала Алая птица, а не он, Те Хэнцю.

«Похоже, мой статус на Пике Ста Чжанов и впрямь ниже, чем у пера из хвоста Алой птицы. Если бы я не подкармливал её и не наладил с ней отношения, сейчас бы по мне и поминальную записку сжечь было некому».

Лю Лю уже собирался предложить ещё большее возмещение, но Мин Чунь небрежно бросил: «Мне ничего из этого не нужно, иначе скажут, что Пик Ста Чжанов жаден до твоего добра и пользуется твоим положением».

«Что вы, что вы», — поспешил возразить Лю Лю.

«Поступим по законам цзянху: око за око», — добавил Мин Чунь.

«Око за око?! — опешил Лю Лю. — Что? Эта тварь достойна того, чтобы я отвечал ей тем же?»

Не успел он опомниться, как Мин Чунь обратился к Те Хэнцю: «Ударь его мечом, и на этом покончим».

«Мне его ударить? — Те Хэнцю, помня, что он человек честный, с трудом сдержал рвущуюся наружу улыбку. — Это как-то нехорошо».

Говорил он это, ломаясь, как девица, но меч из зелёного нефрита уже на цунь покинул ножны.

Лю Лю не выдержал и холодно произнёс: «Брат Мин Чунь, я действительно виноват, что ранил Алую птицу. Но я всё же глава Усадьбы божественного дерева и отношусь к вам с уважением. Даже если бы сам Юэ-цзунь был здесь, он вряд ли бы потребовал подобного».

Его тон был строгим. С одной стороны, он напоминал о своём статусе, с другой — упоминал Юэ-цзуня, намекая: «Да кто вы такие, чтобы требовать от меня подобного?»

Услышав это, Мин Чунь холодно усмехнулся: «Глава Усадьбы божественного дерева. Какая важная птица».

Лицо Лю Лю потемнело: «Брат Мин Чунь, я не пытаюсь давить на вас своим положением. Но если эта история получит огласку, боюсь, это повредит и репутации Пика Ста Чжанов. В конце концов, моя усадьба всегда была в добрых отношениях со Школой Сокрытого облака, да и с феей Лофу у меня давняя дружба. Зачем же ссориться из-за какой-то духовной птицы?»

Лю Лю, напустив на себя важный вид, пытался урезонить Мин Чуня.

Но тот оставался холоден и непреклонен.

Те Хэнцю почесал в затылке. «Эта словесная перепалка может затянуться до утра. К чему тратить слова?»

С этой мыслью он резко выбросил вперёд руку, и остриё его меча устремилось к плечу Лю Лю.

Тот не ожидал внезапного нападения, а из-за недавнего ранения его движения были замедленными. Он не успел увернуться!

Раздался глухой звук, и меч вонзился в плечо Лю Лю, из раны тут же хлынула кровь.

Лю Лю глухо застонал и с недоверием уставился на Те Хэнцю. Он не мог поверить, что совершенствующийся из праведной школы может вот так, с невинным видом, напасть исподтишка.

Те Хэнцю вытащил меч и с притворным ужасом воскликнул: «Ох, сколько крови! Какой ужас! Глава усадьбы, скорее возвращайтесь и лечитесь, а то, не дай бог, рана окажется серьёзной, и тогда беды не миновать». Говоря это, он искоса поглядывал на Мин Чуня.

Лицо Мин Чуня было ледяным, он не проронил ни слова.

Те Хэнцю, видя его недовольное выражение, встревожился. «Плохо дело. Я что, слишком увлёкся? Он решил, что я, пользуясь его покровительством, перешёл все границы?»

Он и не подозревал, что Юэ Бочжи в этот момент холодно думал: «Почему этот удар не пришёлся прямо в сердце? Всего лишь ранил в плечо, а теперь ещё и рассыпается в любезностях? Он что, считает, что люди с Пика Ста Чжанов побоятся убить какого-то главу усадьбы? Или он привык притворяться добродетельным и думает, что сможет обмануть и меня? Какой же он толстокожий и коварный лжец».

Холодный клинок пронзил лопатку Лю Лю, от боли у него потемнело в глазах.

Он зажал рану рукой, и на его лице постепенно восстановилось спокойствие. Хотя эта рана была одной из самых болезненных в его жизни, он терпит.

Если сейчас устроить скандал, он лишь потеряет лицо и достоинство, выставив себя слабым.

«Смелый не лезет на рожон. Сейчас ситуация не в мою пользу, лучше стерпеть, а потом сочтёмся».

Те Хэнцю, глядя на бледное лицо Лю Лю, ожидал увидеть ярость, но тот лишь слегка скривил губы: «Раз так, то на этом и покончим».

Мин Чунь, удивлённый выдержкой Лю Лю, кивнул: «Прошу прощения».

Лю Лю, придерживая рану, поклонился и развернулся, чтобы уйти.

Он шёл очень медленно, каждый шаг отдавался болью, но на его лице застыла вежливая улыбка.

Когда Лю Лю ушёл, Те Хэнцю осторожно заглянул в руки Мин Чуня, где лежала Алая птица, и с тревогой спросил: «Как там пташка?»

Теперь Те Хэнцю понял: на Пике Ста Чжанов Алая птица — особа неприкосновенная.

Раньше он думал, что сможет использовать Мин Чуня и Тан Сюэ, чтобы подобраться к Юэ Бочжи, но теперь стало ясно: его единственный путь наверх — эта прожорливая глупая птица.

Если бы он раньше не приложил столько усилий, чтобы задобрить её, разве смог бы он сегодня так легко отделаться, да ещё и воспользоваться случаем, чтобы отомстить Лю Лю?

При этой мысли взгляд Те Хэнцю на Алую птицу стал ещё более тёплым, а голос — нежнее: «Малышка, ты как? Сильно болит?»

Мин Чунь прикрыл птицу рукавом и холодно посмотрел на Те Хэнцю: «Ты и к духовной птице так же подлизываешься?»

Те Хэнцю смутился и поспешил ответить: «Это же не обычная птица! Это любимица феи Лофу, сокровище из сокровищ. Иначе разве брат Мин Чунь позволил бы мне ударить Лю Лю?»

Мин Чунь почему-то разозлился: «Хм, я, естественно, сделал это ради Алой птицы».

Сказав это, он развернулся и пошёл в сторону Сада созерцания сливы.

Те Хэнцю, конечно же, последовал за ним.

Пока они разговаривали, он ничего не чувствовал, но теперь, в тишине, грудь и шея заняли тупой болью.

Лю Лю, сражаясь с ним, не пытался убить его, а играл, как кошка с мышью, — раны были неглубокими, но унижительными. Это чувство, когда с тобой играют, было гораздо хуже физической боли.

Он стиснул зубы и, преодолевая боль, пошёл за Мин Чунем, втайне обдумывая план мести.

Мин Чунь заметил, что дыхание Те Хэнцю сбилось, а походка стала неуверенной. Он остановился и обернулся: «Ты сам сможешь залечить раны?»

Те Хэнцю вспомнил, что перед ним — воплощение его возлюбленного Юэ Бочжи, и его сердце радостно забилося.

Перед Юэ Бочжи он должен был вести себя сдержанно, даже голову поднимать с осторожностью.

Но Мин Чунь формально был ему ровней, так что он мог позволить себе немного вольностей.

Осознав это, Те Хэнцю поднял голову, встретился взглядом с Мин Чунем и, изобразив слабость, произнёс: «Я... кхм... брат Мин Чунь, не беспокойся, мои раны... кхм... я выдержу...»

Мин Чунь кивнул: «Раз выдержишь, то и хорошо».

«...Какое жестокосердие. Достойно тебя, мой возлюбленный Юэ Бочжи».

Те Хэнцю, пошатываясь, вернулся в Сад созерцания сливы и, толкнув дверь, вошёл в свою тёмную комнату.

Грудина и шея всё ещё болели. Подойдя к зеркалу, он увидел на шее след от белой шёлковой ленты и с досадой пробормотал: «Этот Лю, ну и жесток же он!»

Но потом он вспомнил, как хладнокровно пронзил Лю Лю мечом, и на его губах появилась улыбка: «Но и я не промах!»

Те Хэнцю тихо рассмеялся.

Смех отозвался болью в ранах и перешёл в кашель, но не смог стереть с его лица выражение злорадства.

Вот только...

Он нанёс тот удар, пользуясь чужой силой.

Он посмотрел на своё отражение в бронзовом зеркале и коснулся следа на шее. «Это и позор, оставленный Лю Лю, и доказательство моей собственной слабости».

Как злой мечник, он всё же надеялся, что однажды сможет сам, своими силами, растоптать Лю Лю.

Хотя след на шее был заметен, по-настоящему болела грудина.

Именно там был нанесён основной удар.

Он порылся в своей сумке из семени горчицы. Там было много хороших вещей, подаренных Хэ Чуми. Хотя его отношение к Хэ Чуми было неоднозначным, это не мешало ему с чистой совестью принимать подарки.

Он высыпал несколько Пилюль чистоты и тайны от острых состояний и запил их тёплым вином. Лекарство начало действовать, и в груди разлилось тепло.

Он прислонился к изголовью кровати и, закрыв глаза, начал медитировать, слушая, как за окном шелестят ветви сливы.

Он провёл рукой по шее, но не стал лечить это место.

Рана была не смертельной, но выглядела серьёзно. В отличие от раны на груди, скрытой под одеждой, эту было видно всем.

Идеально, чтобы вызвать жалость у Юэ Бочжи.

Внезапно за окном промелькнула тень, и в дверь постучали.

Те Хэнцю открыл глаза и пошёл открывать.

«Кто бы это мог быть в саду?»

Он осторожно приоткрыл дверь и, увидев стоящего в лунном свете среди теней сливы человека, удивлённо произнёс: «Старший брат Тан Сюэ!»

Тан Сюэ улынулся и, слегка склонив голову, так что лунный свет скользнул по его подбородку, спросил: «Не помешаю, если войду?»

Те Хэнцю поспешно посторонился. Его взгляд скользнул по тёплой улыбке гостя, но в душе зародилось сомнение.

Он был почти уверен, что Мин Чунь — воплощение Юэ Бочжи. Кроме его таинственного поведения, об этом говорили его характер, аромат и владение мечом, которые были точной копией Юэ Бочжи.

Но вот Тан Сюэ...

Те Хэнцю был в полной растерянности.

Тан Сюэ всегда был таким дружелюбным и мягким, полной противоположностью Мин Чуня.

«Такой холодный и гордый человек, как Юэ Бочжи, даже если и создаст себе воплощение, чтобы скрыть свою личность, оно, скорее всего, будет похоже на Мин Чуня. Неужели в другом воплощении его характер так кардинально изменится?»

Те Хэнцю подавил свои сомнения и, изобразив спокойствие, улыбнулся: «Так поздно, старший брат Тан Сюэ, что-то случилось?»

Тан Сюэ шагнул вперёд и, увидев след на шее Те Хэнцю, сказал: «Ты всё-таки ранен?»

«А?» — Те Хэнцю бессознательно коснулся шеи и нащупал синяк.

«Мин Чунь вернулся с раненой Алой птицей и рассказал, что с вами произошло. Я слышал, что ты ранен, и пришёл проведать тебя», — сказал Тан Сюэ.

Те Хэнцю покачал головой и улыбнулся: «Пустяки, пара царапин. Не стоило беспокоить старшего брата так поздно».

«Дай-ка я посмотрю», — сказал Тан Сюэ.

Те Хэнцю, желая проверить свои догадки, согласился: «Тогда прошу».

Тан Сюэ наклонился, и его пальцы коснулись синяка на шее Те Хэнцю: «Больно?»

Те Хэнцю, качая головой, вдыхал аромат, исходивший от Тан Сюэ.

От него пахло чаем. Вероятно, потому что Тан Сюэ постоянно заваривал чай, его одежда пропиталась ароматом горной магнолии, которую так любил Юэ Бочжи.

Сердце Те Хэнцю ёкнуло. «Почему я не чувствую холодного аромата Юэ Бочжи? Только лёгкий запах чая. Это потому, что Тан Сюэ — не Юэ Бочжи? Или потому, что аромат чая перебил его собственный запах?»

Ему захотелось подойти поближе, но он боялся показаться навязчивым.

«Хоть мы оба и мужчины, но тереться носом о чужую шею, наверное, не очень вежливо?»

Пока Те Хэнцю размышлял, рука Тан Сюэ сомкнулась на его шее, словно надевая новый ошейник на старую рану, точно покрывая синяк.

Когда его схватили за уязвимое место, Те Хэнцю инстинктивно попытался отстраниться.

«Не двигайся», — пальцы Тан Сюэ внезапно сжались, но без тени агрессии. Он лишь мягко удерживал шею Те Хэнцю в своей тёплой ладони. — «Я посмотрю, не повреждены ли кости».

«М-м...» — из носа Те Хэнцю вырвался сдавленный стон, но он расслабился.

Тан Сюэ действовал умело, его прикосновения были на грани боли и успокоения. Те Хэнцю неожиданно почувствовал доверие и позволил ему осматривать себя.

Те Хэнцю был вынужден запрокинуть голову, и его взгляд заполнило лицо Тан Сюэ.

Когда Тан Сюэ наклонился, его дыхание с ароматом чая коснулось кадыка Те Хэнцю, а пальцы скользили по синяку, лёгкие, словно боясь разбить фарфор.

«Если будет больно, скажи», — тихо произнёс Тан Сюэ, и его кадык двинулся прямо перед глазами Те Хэнцю.

Те Хэнцю внимательно смотрел на Тан Сюэ, видя на его лице сосредоточенность, столь отличную от привычной холодности Юэ Бочжи.

«Тан Сюэ всегда был ко мне добр, это не похоже на игру. Зачем Юэ Бочжи так притворяться передо мной? К тому же, даже если Юэ Бочжи и нужно было создать себе воплощение, чтобы скрыть свою личность, зачем ему одному играть роли двух слуг? Что за страсть к театру! И если Мин Чунь и Тан Сюэ — оба воплощения Юэ Бочжи, то у него совсем нет слуг? Не может же великий Юэ-цзунь быть таким бедным!»

<http://bllate.org/book/16975/1589369>